

ОСМАН ХУБИЕВ

РОДИМЫЙ КРАЙ

НОВИНИКИ · СОВРЕМЕННОКА ·

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТЬ

ОСМАН ХУБИЕВ

РОДИМЫЙ
КРАЙ

Стихотворения
и поэма

Перевод
с карачаевского
Татьяны Веселовой

«Современник»
Москва · 1985

С(Кав)
X 98

Рецензент *Л. Мигдалова*

Б $\frac{4702260000 - 062}{M 106(03) - 85}$ 298 — 85

© Издательство «Современник», 1985 г.

Родимый край

Весенним утром
В дымке утопает
Земля родная
В нивах и лесах.
Над ней веками
Солнце проливает
Свой добрый свет,
Рожденный в небесах.

Крутые скалы,
Горные тропинки,
Снега вершин,
Размах орлиных крыл —
Все, до последней
Крохотной травинки,
Когда-то в детстве
Я себе открыл.

Душе усталой
Лучший лекарь — горы,
И песни рек,
И шумный водопад.
Они всегда
Тебя утешат в горе,
Былую радость
В сердце возродят.

Терпенье камня,
Трав весенних нежность
Мне подарили горы
Навсегда.
Там, над Эльбрусом,

Гордым, белоснежным,
Горит моя
Высокая звезда.

Родимый край мой!
Ты — моя вершина.
Отечество!
Ты — свет в моей судьбе.
Все лучшее,
Что в жизни совершил я
И совершу, —
Посвящено тебе.

В горах Тебердинских

Ледники сверкают в поднебесье,
Чуть дрожит рассветная звезда.
Горных рек раскатистые песни
Слушает веками Теберда.

От избытка солнечного света
Хвоя сосен терпкости полна.
Потому смолою пахнет лето
И блаженство дарит тишина.

Озирая горные раздолья,
Птицы
рядом с облаком парят,
И орлица кружит над гнездовьем,
Охраняя маленьких орлят.

А бывает —
вдруг занепогодит,

Зашумят сосновые леса,
Хмурый ветер по ущельям бродит —
Это значит, близится гроза.

И, чернее самой черной ночи,
Тучи вдруг надвинутся.

И вот,
Сотрясая горы, гром грохочет,
Молния, сверкая, небо рвет.

И тугие струи дождевые,
Разогнавшись,
бьются о гранит.
Падают деревья вековые,
Ветер над ущельями гудит.

Но едва утихнет непогода,
Все начнет в природе оживать.
Солнце
с голубого небосвода
Будет так же весело сиять

И лучами теплыми коснется
Дальнего орлиного гнезда...
И счастливо жизни улыбнется
Милая, родная Теберда!

Ала-Тау

Гордые горы
Серебряной цепью
Тянутся, солнцем освещены.
И в поднебесье,
Над вольною степью,
Их голубые вершины видны.

Там по ущельям режутся потоки,
Жажду полей утоляя водой.
Узкой тропинкой
По склонам высоким
Тихо верблюды идут чередой.

Там переполнены хлопком долины,
До горизонта они пролегли —
Белые, пышные,
Словно перины, —
Нежность и гордость киргизской земли.

Там по арыкам,
Как будто по рекам,
Мчит в кукурузное поле вода.
Неколебимая власть человека
Здесь воцарилась уже навсегда.

Бывшие степи
Забыли о жажде.
Прошлого
Начисто стерты следы.

Всюду — сады зеленеют.
И в каждом
Зреют киргизского лета плоды.

Только орлы,
В вышине пролетая,
Помнят недавних кочевий дымок,
Да, налетевший с вершин Ала-Тау,
Холодом горным
Дохнет ветерок...

Волны бушуют речные,
Белые брызги летят.
Камни береговые,
Радуюсь влаге, блестят.

Даже в преддверии ночи
Рокот реки не исчез.
Прятаться в горы не хочет
Солнце с вечерних небес,

Но подождет —
И покорно
Место уступит луне.

Та засияет спокойно
В полной уже тишине.

Ночь убаюкает воды,
Сонной листвою шурша.
Чудится:
Сказку природы
Всякая слышит душа.

Земле поклон

Цветы ласкаем взглядом мы и словом
И славим совершенство красоты,
Нередко забывая про основу —
Про землю, породившую цветы.

Скажи спасибо всяк по ней идущий! —
Земля, она родная мать всему, —
За доброту, за тот цветок растущий,
За хлеб в доме.

Говорят, у женщины сорок душ.
Карачаевская поговорна

Говорят в народе, что у женщин
Сорок душ, не больше и не меньше.

Сорок душ — как сорок тайн заветных,
Неизвестных, скрытых, незаметных.

Есть в горах легенда: в старину
Люди знали женщину одну.

Говорили, будто бы у ней
Было ровно сорок сыновей.

Каждому любовь она дарила,
Каждого — душою наделила,

Весь запас душевный отдала,
Вырастила всех — и умерла.

Может быть, в легенде той старинной
Существует скрытый смысл глубинный?

Женщина, видать, не без причины
В сорок раз выносливей мужчины.

Материнской нежности полна,
Над дитем склоняется она,

От беды оберегает дом —
Будто бы орлица над гнездом.

Трудится, не зная праздных дней.
Не иначе, сорок душ у ней!

Ничего сильнее в мире нет.
Будет в доме и тепло, и свет,

Если, освящая жизнь любовью,
Женщина стоит у изголовья!

День рождения

Сегодня —
День рождения Аслана.
Он — центр вниманья. Честь ему и слава!

Спешат его поздравить
Стар и млад,
А он, похоже, этому не рад.

И похвалу себе, и поздравленья
Аслан встречает вздохом сожаленья.

Ему желают счастья,
Долгих лет!..
А он лукаво щурится в ответ

И головой качает в удивленье:
— Я разве был другим до дня рожденья!
Смогу ли вам сейчас поверить я!

Давно ль такими
Стали вы, друзья!

Река Черек

Быстрые волны
Твои золотые
Плещут, дробясь на ручьи.
Дикие горы
И скалы крутые —
Вот кто подруги твои.

Гордо проносишь ты
Звонкие воды.
Вечна твоя красота.
Нравом тебя
Наградила природа,
И родила — высота.

Прямо над руслом
Твоим вертикальным
Крылья орел распростер.
Переливаешься
Звоном хрустальным,
Черек мой,
Баловень гор!

Справа и слева
Гранит величавый —
Верный твой страж
На века.
Брызги студёные
Слева и справа
Даришь ты,
Черек-река!

Белая пена
Твоя кружевная
Бьет у подножия скал.
Светлый исток твой,
Резвясь и играя,
Ветер вершинный ласкал.

Там освещают
Высокие звезды
Лоно орлиной семьи.

Серые скалы,
Орлиные гнезда —
Вот кто соседи твои.

Из величавых
Снегов поднебесья
Вышел ты,
Чист и студен.
В голос твой древний,
В могучую песню
Я, как и прежде, влюблен.

Хочешь ты быть
Озорным, непокорным,
Не изменяя судьбе.
Но посмотри —
По дорогам по горным
Люди стремятся к тебе.

Людам ты нужен, мой Черек!
Выходит,
Есть основанья тому.
Если прекрасное есть,
То находят
Люди дорогу к нему.

Жизнь твоя, Черек,
Трудна и сурова,
Светел твой путь
И высок.

В многоголосии
Хора речного
Слышен и твой голосок!

Счастливые

Счастье не бывает бесконечным —
Так же, как небесночечен век,
Так же, как не вечен в мире вечном
Сам носитель счастья — человек.

Жизнь его ломает, крутит, вертит,
Насыляет горе на него,
Ну, а он упрямо в счастье верит,
Будто не случилось ничего.

И о том задумываясь часто,
Друг любезный, помни лишь одно:
Тот, кому судьба дарует счастье,
Тот и горе испытал давно.

Прекрасен мир

Молодую листвою зеленою
Зашумели березы опять.
Обживает гнездо обновленное
Хлопотливая ласточка-мать.

Тихо женщина ей улыбается,
Озаряя улыбкою дом,
И над детской люлькой склоняется,
Словно ласточка над гнездом.

Для нее,
Для такой старательной,
Впрямь занятия нет святей.

Беспокоятся обе матери
За весенних своих детей.

Май наполнил их души трепетом —
Не до отдыха, не до сна.
Детским лепетом,
Птичьим щебетом
В мир надежно вошла весна!

Кого ты любишь?

—Кого ты любишь, малое дитя! —
Вопрос ребенку задали шутя.
Сияет мать,
В ответ услышав: — Маму! —
А я в ответе этом вижу драму.

Как вы жестоки, взрослые сердца!
Задето вмиг тщеславие отца.
— Меня люби! —
Ребенку он внушает.
Любить отца ребенок обещает.

Отец и мать —
Святые для него.
Велят любить... кого-то одного.
Ребенок мал.
Ребенок огорчен,
Как будто в чем-то стыдном уличен.

А он, представьте,
Любит их обоих!
И дом родной, и небо голубое!
И всю родню,
Весь мир
И всю планету! —
Немножко больше, чем возможно это...

Малыш

Что ни день —
То новое открытье!
Сколько тайн вмещает белый свет!
Солнце всходит —
Разве не событие,
Если человеку мало лет?

И скажите, чем не настоящий
Белый конь, на тумбочке стоящий?
Удила грызет, копытом бьет,
В дальний путь хозяина зовет.

А хозяин,
Не гляди что мал, —
Сам заводит красный самосвал.
Понимает будущий мужчина:
Самосвал —
Полезная машина.

Вон синица в форточку стучится,
Надо познакомиться с синицей.
Почему она поет чуть свет?
Требуется правильный ответ.

Если человеку мало лет,
Для него вопросов праздных нет.
И о том,
Что в мире смерть бывает,
Слава богу,
Он еще не знает.

Не спеши

Желая жизнь переиначить,
Изъянов не ищи в судьбе.
Ищи причину неудачи
В самом себе,
В самом себе.

И если ночь твоя беззвездна,
Терпи:
Твоя звезда взойдет,
И утро, рано или поздно,
Но обязательно — придет.

И в спешке будь неторопливым,
И в сердце зависть не буди,
А верь, что будет путь счастливым:
Твоя вершина — впереди.

Не понукай коня напрасно.
Не плачь, что горек твой удел,
Что сердцем женщины прекрасной
Пока еще не завладел.

Не плачь в печали и смятенье,
Что не под той звездой рожден...
А прояви в любви терпенье —
И будешь ты вознагражден.

Живи — и ничего не бойся!
Но берегись всего сильней

Земли родимой недовольства
И гнева матери своей!

— Нет ничего прочнее, чем булат,
И сталь крепка, — в народе говорят, —
Огня
 гранитный камень не боится. —
А мне пришлось в обратном убедиться.

Я на войне воочию видал,
Как закаленный плавился металл,
Гранитный камень
 в пепел превращался.
Лишь человек —
Собою оставался.

Желание

Когда желаний нет,
 и жар души стихает,
И ты уже готов
 оружие сложить,
И кажется тебе,
 что в сердце потухает

Божественный огонь,
дающий право жить, —
Ты воспротивься ей,
слепой тоске, —
и вспомни,
Что есть иная страсть,
и есть иной полет.
Благослови судьбу
и смыслом жизнь наполни,
Иначе не достичь
тебе твоих высот.
Так альпинист иной,
не поборовший робость,
Летит туда,
где мрак
и холод ледников.
Вершину от него
навек скрывает пропасть,
Где солнца не видать,
ни звезд, ни облаков.
Стон дерева услышь,
погибшего невинно,
И выстрел на заре,
и олененка плач.
Природу пожалей —
нам слез ее
не видно —
Виновен тут не волк,
а человек-палач.
Вот гром по скалам бьет
и пламя высекает,
И, тяжестью полны,
густеют облака.
До сей поры
у звезд
слеза не высыхает

Там, где упал поэт
к подножью Машука.
Иль вспомни тех солдат,
что пали в день
сраженья.

Не дописав письма
последнего домой.
А матери все ждут
тех писем продолженья.
Ответить матерям —
вот долг священный мой.
Отечества солдат,
я был на поле брани,
Я видел смерть в бою,
смерть видела — меня.

Я не однажды был
фашистской пулей ранен,
Оплакала не раз
меня
моя родня.

Но я вставал живой
и снова брал оружие.
Дух мести зрел во мне,
он был неукротим.

И понял я тогда,
что родине я нужен,
Что горы ждут меня! —
и я вернулся к ним.

О, сколько горьких слез
земля в себя впитала!
Измерить не дано,
и тем она ценней.

Но песня соловья
и грозный лязг металла —
Равно как жизнь и смерть
сосуществуют на ней.

Пройдут века

Люди, как звезды, —
Рождаются и умирают.
В этом, наверно,
Друг друга они повторяют.

Всходят,
Как травы под солнцем,
Как травы, стареют.
Годы над ними,
Как ветры бесстрастные, веют.

В небе ненастном
Плывут облака вереницей,
Следом за ними
Спешат перелетные птицы.

Но промелькнут и они
В поднебесье далеко,
Разве что песней
Коснутся земли ненароком.

Так же и люди —
Их жизнь не проходит бесследно —
Городом,
Площадью,
Песнею станут бессмертной,

Кто-то — светилом небесным
Взойдет над землею,

Свет излучая
И мир освещая собою,

Мир освещая
И тьму на земле уменьшая...

Звезды, как люди, —
Уходят, светить продолжая.

Фотография

Я всегда завидую тебе.
Улыбнись, нахмурься — сделай милость!
Сколько перемен в моей судьбе! —
На тебе ничто не отразилось.

Вот уж голова моя седа,
И душа о прожитом тоскует.
Ну, а ты все так же молода —
Время для тебя не существует.

Я могу смеяться, плакать, петь!
Мне знакомы робость — и отвага.
Я могу —
Ты слышишь? —
Умереть!
Ты переживешь меня, бумага.

Может, старость укротит мой нрав.
И тогда,
Когда меня не станет,
Через твой серебряный состав
Юная душа моя проглянет.

Мелодия

Сколько мелодий!
И каждая — неповторима.

И среди них,
Разливаясь в вечерней тиши,

Есть и такая,
Которая вас покорила,

Тронув на миг
Потаенную струнку души.

Молодость любит
Рожденные временем ритмы.

Дайте жар-птицу! —
У юных она запоет.

Зрелость, напротив,
Спокойную любит палитру,

И, умудренная,
Выпустит птицу в полет.

Жизнь бесконечна.
Мы слышим ее позывные

В голосе времени,
Как бы он ни был суров.

Музыку жизни —
Мелодии наши земные —

Время доставит
Потомкам
На крыльях ветров.

Коста Хетагурову

Тебе не быть забытым никогда —
Так высоко взошла твоя звезда.
И слово, сотворенное тобой,
Награждено счастливою судьбой.

Ты на земле и ад, и рай познал,
Любил свободу — и к свободе звал.
И подвиг твой — поэта и борца —
Примером стал для старца и юнца.

О, если б ты увидеть смог сейчас
Страну свою
И свой родной Кавказ!

Ты не узнал бы родину,
Коста.

В ней навсегда исчезла нищета,
И сам Кавказ давно свободным стал —
О чем, Коста, ты некогда мечтал.

А в том селе,
Где жил когда-то ты,
Черешневые выросли сады.

Язык родной народом не забыт —
Народ на нем поет и говорит.
И нет земли — пройди хоть все края —
Прекрасней, чем Осетия твоя.

И в благодарной памяти людской
Ты жить остался —
Песнею,
Строкой,
Твоя душа пред родиной чиста.
Счастливый человек —
Поэт Коста!

Звезды

В небе крупные звезды пылают,
К ним душа устремилась моя.
Я не первый,
Кто их воспевает,
И последний — не я.

И живут они жизнью нетленной,
До скончания века — ничьи.
Их владенья — просторы Вселенной,
А не то, что мои.

Не завидую! —
Пусть торжествует
Эта разность —
Меж ними и мной.
Только что же так душу волнует
Тот серебряный свет неземной?

Видно, мы
В бесконечности странствий,
Пролетая неведомо где,
Проживаем в таком же пространстве
И на точно такой же звезде.

Сердцу нет милей

Побывал я в странах самых разных.
И дорог немало исходил.
Много видел городов прекрасных
И друзей повсюду находил.

Красотой заморской восхищался,
Посмотрел, чем красен белый свет.

Но опять
К истокам возвращался,
Лучше и милей которых нет.

Никакая чудо-заграница,
При любых достоинствах своих,
С нашей горной речкой не сравнится,
С узкою тропинкой на двоих.

Каждым поворотом и ложбинкой —
Отовсюду мне она видна:
Та кривая, узкая тропинка —
Всех прямей
и правильной она!

Ночное море

Что не спишь, Средиземное море!
Что ты льнешь виновато к ногам!
То ли радость свою, то ли горе
Поверяешь ночным берегам!

Но ответа, увы, не дожидаться.
До утра, забывая про сон,
Будут легкие звезды плескаться
На вершинах кочующих волн.

Усмирись же, морская лавина!
За песчаный уйди оком!
Человеческих слез — половина
В переполненном лоне твоём.

Эти древние воды видали
Сколько бед и побед! — не таи.
Сколько крови невинной впитали
За века —
Побережья твои!

Море грозно о берег стучится,
И густеет полуночный мрак.
Мне у этого моря не спится,
Почему-то не спится никак...

Мальчишки

Едва заголубеет небосвод —
Они уж здесь, у моря, эти дети.
Готовят для работы невод свой,
Вернее, металлические сети.

Смотрю на них:
Какие молодцы!
Добытки заботливые с детства.
Два арабчонка.
Братья-близнецы,
Приученные к морю с малолетства.

В подводных масках,
Переждав волну,
Как по команде, подмигнув друг другу,
Они ныряли смело в глубину,
Сверкая глянец тел своих упругих.

Я долго ждал,
Когда они всплывут.
Уже, казалось, миновала вечность...
А вдруг!
Но через несколько минут
Они уже являлись на поверхность.

И, вытащив улов тяжелый свой,
Они на берег прилегли устало,
А рядом —
Серебро с голубизной! —
Отчаянно добыча трепетала.

Но радости на лицах не видать.
Им нелегко.
Работа есть работа.
Их дома ждет нетерпеливо мать:
Забота о насущном — их забота.

Что ж, мальчики!
Вам жизнь преподает
Урок почти что взрослого терпенья.
Но верю я,
Что счастье к вам придет
И мужеству найдется примененье.

Арабская девочка

Я ее в Дамаске повстречал.
Здесь ее никто не замечал —
Маленькую, смуглую девчонку
И ее просящую ручонку.

Горечью глаза ее полны,
Волосы курчавые черны.
И была у той девчонки нищей
Лишь одна мечта — мечта о пище.

Шла она, босая, по дороге,
Камень раскаленный резал ноги.
Шла она, не видя слез своих —
Детский голод не стыдится их.

На ладошке детской нет ни крошки,
Все проходят мимо той ладошки.
Целый день девчушка голодна.
Целый день на улице одна.

Без отца, без матери, без ласки...
Дом ее — все улицы Дамаска,
Боль ее сегодняшняя — это
Боль и горе нищих всей планеты.

Это у тебя, двадцатый век,
Милостыню просит человек!

Что ты этой девочке ответишь?
Чем ее накормишь и утетишь!

Где постелешь ночью ей постель,
Даже не постель — а колыбель?
Чтоб дитя во сне могло забыться,
В сытого ребенка превратиться.

Судьба горца

В бешмете черном,
Сгорбленный, больной,
В толпе дамасской шел он мне навстречу.
И мне казалось, будто шар земной
Тот человек взвалил себе на плечи.

То был старик по имени Хусей.
Он жил в Дамаске, не имея дома.
Я чувствовал, как он душою всей
Ко мне тянулся, будто бы к родному.

Не зная, чем утешить старика,
Я говорил сочувственные речи.
Он счастлив был, увидев земляка!
А я печален был от этой встречи.

От унижений, нищенства и бед,
И от тоски по родине далекой

Старик Хусей был совершенно сед —
Чужой среди чужих
По воле рока.

Не принял он тепла чужой земли!
Он плохо жил —
Безвольно и не сыто.
И слезы по лицу его текли,
Впервые в жизни плакал он открыто.

Мы по Дамаску шли —
Хусей и я.
Обоим было нам не до веселья.
И странно мне, что родина моя
Была когда-то родиной Хусея.

Он мне поведал страшный свой рассказ:

...— Я с родиной расстался очень рано.
Мальчишкою покинул я Кавказ,
По морю плыл в неведомые страны.

Корабль качало.
Море било в борт.
Меня, мальчика, сбивало с ног волною.
И все-таки я мало знал забот,
Пока родная мать была со мною.

В дороге я послушен был и тих.
Нас всех одно соединяло горе.

Но вот свалил меня однажды тиф —
Меня едва не выбросили в море.

Зачем я выжил! —
Лучше б умереть,
Чем жить вдали от отчего порога.
И я, ребенок, звал на помощь смерть,
Но смерть была хитрей меня намного.

Иную жертву выбрала она,
И месть она придумала иную —
Морская ненасытная волна
Похоронила мать мою родную.

Итак, я плыл один.
И мой удел,
Увы, не ограничен был сиротством.
Я по-иному на людей глядел,
Не веря в их людское благородство.

Куда мне было деться одному?
Зачем пришел я в этот мир огромный?
Дитя, я стал не нужен никому —
Щенок, оборвыш,
Жалкий и бездомный.

Не знаю как, но все-таки я жил.
Как щепку в море, жизнь меня швыряла
И прибывала к берегам чужим,
Как будто на живучесть проверяла.

Скитался я по разным городам.
Но если вдруг
Встречал кого с Кавказа,
То шел я, как собака, по следам,
О милом крае слушая рассказы.

Кубань-реку
Я помню до сих пор,
Красу ее весеннего разгула,
Тропинку,
Что вела от самых гор
До каменистых улочек аула.

То был аул Большая Теберда...
Текла река по горному ущелью,
Хрустальная звенела в ней вода,
Сверкая серебристою форелью.

Я помню все... —
Сказал Хусей и смолк,
Сдержать не в силах горькие рыдания.
И я ничем помочь ему не мог —
Я тоже плакал, полный сострадания.

Всю жизнь он прожил в горе и тоске,
Не слышал слова доброго ни разу
В чужой стране,
С чужим куском в руке —
Больной и нищий, — бывший сын Кавказа.

Барада

По ущельям каменистым,
Робкий и ничей,
Пробегаёт чистый-чистый
Маленький ручей.

Не речистый, не глубокий,
Шириной с аршин,
Начинает путь далекий
Прямо у вершин.

По дороге, мимоходом,
Напоит траву.
Отразит в прозрачных водах
Неба синеву.

Полон радости и грусти,
Высвечен до дна.
От истока и до устья
Суть его видна.

Вдоль по берегу спускаюсь
Осторожно я
И невольно удивляюсь
Красоте ручья.

Обходя легко, умело
Кочку и ухаб,
Говорит мне между делом
Спутник мой, араб:

— Знаю, здесь вы не бывали
Раньше никогда,
Но, наверное, слышали
Слово «барада»!

— Да! — не медлю я с ответом,
Подходя к ручью,
Демонстрируя при этом
Бороду свою.

Тот был явно озадачен,
Шутки не ценя.
Но, поняв, он тут же начал
Просвещать меня:

— Так мы воду называем,
Если холодна.
Рек немало в нашем крае,
Барада — одна.

Если, солнцем опаленный,
Ты в пути ослаб,
То испей воды студеной, —
Говорит араб.

И, желая охладиться,
Вспомнив Карачай,
Пью хваленую водицу,
Теплую... как чай!

Основательно прогрета
Солнышком вода!
Что ж, спасибо и на этом,
Речка Барада!

Видимо, одна такая
Ты во всем краю.
Так я думал, вспоминая
Родину свою.

Там, светясь под щедрым солнцем,
Вечно молода,
По ущельям гор несется
Чудо-Теберда!

И прозрачна, и прохладна,
Лучше не найти! —
И награда, и отрада
На моем пути.

Блэй

ПОЭМА

Мой путь лежит через моря и горы.
В иллюминатор ярко солнце бьет.
Над голубыми водами Босфора
Летит международный самолет.

Я вижу степи, выжженные зноем,
И склоны гор,
И сказочный Стамбул.
А Кипр
Зеленой точкой подо мною
Почти что незаметно промелькнул.

Сквозь облака,
Небесною дорогой,
Опережая стаи журавлей,
С тяжелой болью в сердце
И тревогой
Спешу к тебе,
Многострадальный Блэй.

И вот,
Как черный сон,
Ты мне явился.
Отмечена бедой твоя судьба.
Земля рабов.

Но тот, кто здесь родился,
Во много раз несчастнее раба.

Не щедро дарит и не сытно кормит
Твоя сухая, скудная земля.
Ты — как слеза отчаянья и скорби
Отставшего от стаи журавля.

Твои дома
Печальны и угрюмы.
Убита радость жителей твоих.
Ты словно узник, погруженный в думы,
Молчишь
И что-то страшное таишь.

Еще тогда,
Во времена былые,
Ты был хитер в жестокости своей.
Скажи,
Какие блага неземные
Сулил ты людям, непонятный Блэй!

Скажите вы,
Мечтавшие о чуде,
Считающие родиной Кавказ:
Чего вы ждали и добились, люди?
Ответьте!
Я хочу услышать вас!

Ответом было полное молчанье.
«Они глухи», —

Подумалось на миг.
Но видел я
В глазах людских
Отчаянье,
Так явно походившее на крик!

И этот крик
Был полон вещей силы.
Он был нечеловечьим. Неземным.
Кричало все:
Дома,
Пески,
Могилы —
Кричало все,
Что быть должно немым!

Кровь замирала в жилах.
Я страшился
За свой рассудок: может, это сон!
Из-под земли могильной доносился
Печальный,
Леденящий душу стон.

Я был уверен —
Это ад, разверзшись,
Нутро передо мною растворил,
Неся наружу голоса умерших...
Я не ошибся.
Блэй заговорил.

«— О, милые горы,
Целебные горы!

Родимых небес
Голубые просторы!

Малиновый запах!
Прохлада ночей!
И звонкий,
Бегущий по склонам ручей!

Мы — бывшие горцы.
Мы вами забыты.
Мы в жгучих песках
Аравийских зарыты.

Нам жизнь на чужбине
Была не мила,
И грешные наши
Истлели тела.

Простите нас, горы!
Нам память — обуза.
Простите, седые
Вершины Эльбруса!

Будь проклят тот черный,
Тот горестный час,
Когда мы навечно
Покинули вас.

Скитаясь
В арабских
Пустынях Востока,

Мы тщетно надеялись
Встретить пророка.

Пророк преподавал нам
Жестокий урок:
Пророка искать на чужбине —
Порок.

Все то,
Что нам раем и чудом казалось,
Лишь горькой насмешкой судьбы
Оказалось.

И что же мы встретили? —
Годы тоски,
Да горе,
Да слезы,
Да эти пески.

Над нами
Свободное солнце не встанет,
И Родина
Плакать над нами не станет.

Что толку — в истлевшем
И сорном зерне?
Мы были.
Мы сгнили.
Нас нет на земле.

Глаза живых людей меня пронзали.
Недвижным было солнце в вышине.
То, что могилы мне не досказали,
Живые люди досказали мне.

Для них, живых,
Я был не просто гостем —
Я был для них почти что божеством,
Я был событием!
Первым в Блэе горцем! —
Почти инопланетным существом.

Меня сердечно люди обнимали.
Я тоже их сердечно обнимал.
Наперебой,
Все разом
В гости звали —
Кого уважить первым,
Я не знал.

И в мазанки,
Похожие на склепы,
Входил я,
Пораженный нищетой.
Хозяева со мной делились хлебом
И угощали свежешою водою.

Я ел тот нищий хлеб,
Еще не зная,
Не ведая, каких он стоил мук.
Вода была здесь
Тоже — привозная,

Как, впрочем, все,
Что было здесь вокруг.

И пил я воду из кувшинов звонких,
Хозяевам стараясь угодить.
Ее сюда возили на буренках,
Которым тоже надо было пить.

В глазах людей
Светились слезы счастья,
Хотя и были смешаны с тоской.
И удивляло то,
Что я причастен
К безмерной этой радости людской.

Торжественно
Мужчины надевали
На выбритые головы чалмы.
А без чалмы их головы сияли,
Как голые песчаные холмы.

И женщины,
Из-под чадры,
Украдкой,
Смотрели, привидениям сродни.
Так и осталось для меня загадкой,
Красивы иль уродливы они.

Был вид у них
Настолько одинаков,
Что, всматриваясь в них,

Подумал я:
Обычай есть обычай,
Но, однако,
Как различают жен своих — мужья!

На множество вопросов отвечая,
Поведал я —
На удивленье всем —
Что ни одна горянка Карачая
Чадру в глаза не видела совсем.

Недоуменье и непониманье
У старцев породила речь моя.

Я был предметом общего вниманья.
Мы слушали друг друга —
Блэй и я.

II

— Без надежды,
В пустыне унылой,
Не живем, а влачим бытие.
Расскажи нам о родине милой!
Расскажи нам о людях ее!

К ней одной —
Наши мысли и взоры!

В нас не умерло наше родство.
Расскажи нам, как выглядят горы! —
Мы не знаем о них ничего.

Только знаем,
Что это из сказки.
Но ведь ты не из сказки, Осман!
Горсть земли привезенной кавказской —
Настоящий для нас талисман.

Видит бог,
Мы ни в чем не повинны,
Нам чужбина — страшнее тюрьмы.
Но отрезана та пуповина,
Без которой бессмысленны мы.

И могилы, что нас окружают, —
Как безмолвный укор для живых.
Люди предков своих уважают,
Ну а мы —
Проклинаем своих.

Ничего, кроме слез и страдания,
Завещать нам они не смогли.
Предки бросили нас на закланье
Вдалеке от родимой земли.

— Наши слезы — не слезы позора, —
Молвил дед, продолжая рассказ. —
Это горькие слезы укора
Тем, кто родину отнял у нас.

Даже если за годы мытарства
Мне была бы оказана честь
Стать царем, —
Я отринул бы царство,
Будь мне царство предложено здесь!

Я все прелести ада изведаль,
И, как видишь, —
Дошел до сумы.
Тот, кто верит заморским легендам,
Будет так же ничтожен,
Как мы.

Как-то все в нашей жизни непрочнo.
Корни чахнут!
Нам корни нужны!
Ну, а корни нуждаются в почве —
Мы ж навеки ее лишены.

Ничего мне не надобно в жизни —
Только пасть перед Родиной ниц.
Кто я есть? —
Человек без Отчизны.
Безымянен.
Бездомен.
И ниц.

...Боль безмерная старца томила,
Подступая, душила слеза.
То, что сердце годами таило,
То сейчас выдавали глаза.

Где человек
Не знает гнета рабства,
Где жизнь —
Как полноводная река,
Где всех соединяют узы братства,
Где честь людей, как горы, высока.

— О, если б наши предки это знали! —
Прервал мои слова старик Сюлей. —
О, человек!
Ты тот, кого мы ждали.
— Мы ждали... —
Словно эхо, вторил Блэй.

Надежду жить на родине свободной
Уже давно утратил наш народ,
И нет звезды над нами путеводной,
Которая звала бы нас вперед.

С тех пор,
Как свет ее призывный умер,
То кажется, все умерло для нас.
Исчез кавказский искрометный юмор,
Не выжил на чужбине —
И погас.

Поверь,
Как будто что-то в нас убили,
Нам черным стал казаться белый свет.
Не слышно песен —
Люди их забыли.
Не слышен смех —
Ему здесь места нет.

— Мы взгляда от земли поднять не смеем, —
Сказал старик Сюлей,
Закрыв чело.
А дед Шакман —
Он был еще старее —
Ему кивал, вздыхая тяжело.

— Кто знает цену всем страданиям нашим! —
Промолвил третий старец
И умолк.
Он в Блэе был, наверно, самым старшим,
И даже плакать он уже не мог.

Последнюю слезинку у бедняги
Давно когда-то
Выпили пески.
Увы, в пустыне нет дешевле влаги,
Чем эти слезы,
Полные тоски.

...Внезапно наш прервался разговор.
В глазах людей
Печаль и скорбь застыли:
Десятками живых, тяжелых гор
Надвинулись на Блэй пески пустыни.

В ауле тут же воцарился мрак.
Завыли ветры,
Силу набирая.
То был самум —
Пустыни вечный враг,

Он бушевал,
Все на пути сметая.

А сам аул почти не виден был,
До основания скрытый черной тучей.
Овец отары
Из последних сил
Старались удержаться,
Сбившись в кучу.

Исчезло даже солнце в вышине...
О, как ты страшен, Блэй, в минуты эти!
Самум резвился.
И казалось мне:
Его не усмирить ничем на свете.

Мы поскорее в мазанку вошли,
Со всех сторон зажатую песками.
Но прежде чем мы вход в нее нашли,
Пришлось его раскапывать руками.

Мне рассказали,
Что в такой буран
Теряют люди голову от страха,
Что им читать приходится коран,
Выпрашивая помощь у аллаха.

Но вот самум остался в стороне.
Аллах забыт —
До нового бурана.
Несмелый свет заголубел в окне,

Аул вздохнул,
Залечивая раны.

Пустынный ветер, наконец,
Уснул,
Развеялись песчаные туманы,
Высвобождался из песка
Аул.
Как волны в море,
Высились барханы.

...А мы свою беседу продолжали.
Вновь лица посветлели у людей.
Мне больше всех вопросов задавали
Три старика:
Шакман, Джанган, Сюлей.

Вопросов было —
Сколько капель в море,
Вопросов было —
Как слезинок в горе,
Вопросов было —
Сколько дум извечных,
Вопросов было —
Сколько ран сердечных...

Их было — тьма.
Я отвечал на каждый,
Стараясь ничего не утаить.
Увы,
Глоток воды во время жажды
Способен ли всю жажду утолить?

И все ж — способен!
Здесь он много стоил.
И дать его
Обязан людям я.

— Страна, где правда —
Выше всех достоинств —
Вот что такое Родина моя.

Моя страна —
Страна людей свободных,
И Карачай —
Частица той страны.
Нет в Карачае нищих и голодных,
Мы все равны,
И этим мы сильны.

Никто отныне не унизит горца.
В моей стране —
Все братья и друзья.
У нас — любому место есть под солнцем.
Вот что такое Родина моя.

Соседи — карачаевец и русский,
В делах едины,
Дружбою крепки.
И белый снег Москвы, и снег Эльбрусский
Обоим одинаково близки.

Никто не одинок в Стране Советов,
Мы вместе — как единая семья.

Источник счастья,
Радости
И света —
Вот что такое Родина моя.

IV

Итак,
Пора прощаться, Блэй!
Мне страшно на земле твоей,
Но покидать — еще страшнее.
Ты, как изгой,
Живешь дрожа,
Как бы на лезвии ножа,
Опоры прочной не имея.

Глумятся над тобой враги.
Ты руку тянешь:
— Помоги!
И мне твой голос слышен всюду.
Всю жизнь,
До гробовой доски,
Твою печаль,
Твои пески,
Твой нищий хлеб —
Я помнить буду.

Твой человеческий покой
Нарушен варварской рукой.
К тому ж —
Неласкова природа:

Ни капли влаги в небесах!
Но та, соленая, в глазах, —
Всегда в избытке у народа.

Прощай,
Многострадальный Блэй!
Прощай и ты, старик Сюлей!
Да сбудутся твои надежды.
Прощайте,
Женщины в чадрах,
Чадрой скрывающие страх,
Который виден сквозь одежды.

Прости, пустыня, что тебя
Я покидаю не любя.
Но нелюбимых тоже помнят.
Я буду помнить боль твою,
Я песню о тебе спою
И горечью ее наполню.

И будут песни той слова
Печальные, как ты сама,
Как мрачные твои жилища...
И ты не раз,
Внушая страх,
Песками скрипнешь на зубах
И не однажды мне приснишься!

И все-таки я верю, Блэй,
Что место есть звезде твоей
На необъятном небосводе.

Придет пора —
Воспрянешь ты,
И сбудутся тогда мечты,
Живущие в твоём народе.
И в этот час,
Прощальный час,
Хочу взглянуть в последний раз
В твои глаза, земля чужая.
Оплакиваю я тебя.
И — навсегда,
Душой скорбя,
Твой вздох глубокий
Принимаю...

СОДЕРЖАНИЕ

Родимый край	3
В горах Тебердинских	4
Ала-Тау	6
«Волны бушуют речные...»	7
Земле поклон	8
«Говорят в народе, что у женщин...»	9
День рождения	10
Река Черек	11
Счастливые	14
Так называют иногда...	15
Прекрасен мир	16
Кого ты любишь?	17
Малыш	18
Не спеши	19
«— Нет ничего прочнее, чем булат...»	20
Желание	20
Пройдут века	24
Фотография	25
Мелодия	26

Коста Хетагурову	27
Звезды	28
Сердцу нет милей	29
Ночное море	30
Мальчишки	31
Арабская девочка	33
Судьба горца	34
Барада	38
БЛЭЙ. Поэма	41

Хубиев Осман

Ахьяевич

РОДИМЫЙ КРАИ

Стихотворения и поэма

Редактор С. Агальцов

Художественный редактор А. Дианов

Технический редактор С. Бирюнова

Корректор Н. Дмитриева

ИБ № 3786. Сдано в набор 14.11.84. Подписано к печати 01.03.85. А 13024. Формат 70×90^{1/32}. Гарнитура новогазетная. Печать высокая. Бумага книжно-журн. № 2. Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 2,63. Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 10 000 экз. Заказ 3802. Цена 25 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфий и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Отпечатано с набора ордена «Знак Почета» типографии изд-ва «Московская правда», 123845, ГСП, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д. 7 в Рязанской областной типографии, 390012, Рязань, Новая, 69/12
Зак. 1653

Хубиев О. А.

X 98 Родимый край: Стихотворения и поэма/ Пер. с карачаевского Т. Веселовой.—М.: Современник, 1985.—61 с.— (Новинки «Современника»).

В пер.: 25 коп.

Стихотворения участника Великой Отечественной войны карачаевского поэта Османа Хубиева раскрывают перед читателем многогранный мир нашего современника — патриота, гуманиста, поборника мира и дружбы между народами.

Б $\frac{4702260000 - 062}{M 106(03) - 85}$ 298 — 85

**ББК 84 Кав
С(Кав)**

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу: 123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 62

Издательство «Современник»

25 коп.

Осман Хубиев родился в 1918 году в ауле Верхняя Теберда Карачаево-Черкесской автономной области. Член СП СССР с 1938 года. Автор нескольких книг стихов и прозы на карачаевском и русском языках. Участник Великой Отечественной войны.

Живет и работает в г. Черкесске.